

Новые бродяги

Автор:

Марина Сергеева

Новые бродяги

Марина Сергеева

О чем эта книга? Конечно, о путешествиях. А еще о свободе. И немножко о любви. Здесь собраны десятки людей и событий и перемешаны самым причудливым образом. Готовы присоединиться? Тогда в путь.

Марина Сергеева

Новые бродяги

Однажды ученик спросил у Мастера:

- Долго ли ждать перемен к лучшему?

- Если ждать, то долго - ответил Мастер.

Глава первая

А могла бы...

– Я благодарю всех участников и организаторов, – вещал статный седовласый джентльмен с трибуны.

– Каждый раз одно и то же, – Рита поморщилась, будто от недавно опробованного ею экзотического фрукта по имени салак, и ушла в свои мысли.

А думы ее, надо признаться, отнюдь не были легки и приятны. Уже неоднократно начальство прозрачно намекало, что этот ее проект последний, денег на новые нет и не предвидится. И что прикажете делать, когда на дворе кризис и денег нет ни у кого? Новые работодатели тоже как-то в очередь за Ритиными талантами не выстраивались. Было, правда, предложение перейти в отдел аналитики, но вы представляете, что такое для молодой активной женщины, которая привыкла спать в самолетах и поездах, а жизнь измерять исключительно событиями, засесть в офисе, считать цифры и создавать умные таблицы.

– Которые никому, в конечном счете, не нужны, – печально добавила про себя Рита.

А нужны большие серьезные бизнес-проекты с большим количеством участников, сложной структурой, интересными результатами и значительными ресурсами. А ресурсов-то как раз и не было, а значит, не было и всего остального, как говорится в известной поговорке «денег нету – и дела нету». Было от чего приуныть.

Рита уже давно поняла: что в ее жизни не должно произойти, не произойдет никогда, хоть тресни. И нельзя сказать, чтобы она не пыталась изменить ситуацию и даже обмануть судьбу. Пыталась и ещё как. И шишек набила и разочаровывалась не один раз и не десять. Видимо, пора стать умнее... Или повзрослеть. Ни то, ни другое пока не получалось.

– Инфантильная дура, – Ритка иногда была к себе очень самокритична.

– Вот сейчас банальность-пребанальность мохнатая: умных жизнь ведёт, глупых тащит. Так вот меня не просто тащит – волоком волочет. Ну, говорю же, дура.

Рита вздохнула. Что толку разводить софизмы, если все равно решение принимать придется. И не абы какое решение, от него будет зависеть ее дальнейшая жизнь. Самое интересное, что в ответственный момент эта самая жизнь притихла и никуда Риту не тащила. В демократию играет, сука, типа, решай сама.

«А вот теперь сиди и думай»...

Или там было «сиди и слушай»? Без разницы.

А могла бы дочку нянчить. А могла бы утонуть в его татарских глазах.

Ага, «мы могли бы служить в разведке»...

Дочки у Риты не было. Как впрочем, и вообще никаких детей. Как-то не сложилось. Сначала не было желания, потом времени, а когда и то и другое появилось, оказалось, что нет возможности.

А татарские глаза вот они, тут как тут, сидят в соседнем ряду и задумчиво поглядывают на все еще ораторствующего седовласого джентльмена.

Татарские глаза – это Костик Круковский, коллега по проекту и по совместительству друг и вдохновитель. Почему Рита считала его глаза именно

татарскими, она и самой себе не смогла бы объяснить. Ничто во внешности и происхождении друга не намекало на потомка Золотой Орды. Но было в этих глазах что-то восточное, пьянящее, магнетическое, отчего у Ритки иногда сбивались дыхание.

Когда-то она прочитала стихотворение Николая Гумилёва:

Но сохранил воспоминанье

О дивных и тревожных днях,

Мое пугливое мечтанье

О Ваших сладостных глазах

Ужель опять я их увижу,

Замру от боли и любви

И к ним сияющим приближу

Татарские глаза мои.

И сразу решила – это про Костю. С тех пор и повелись эти татарские глаза.

Заметив Риткин взгляд, Константин хитро прищурился и подмигнул. Всё, мол, отстрелялись. Переживём культурную программу и по домам.

Глава вторая

Тюменский чай

Раз купил мне барин чая

И велел его сварить,

А я отроду не знаю

Как проклятый чай варить.

Вот я взял полфунта чая

И весь высыпал в горшок.

Положил я луку, хрену

И морковки корешок.

– Подумаешь, морковка, – задумчиво пробормотала Рита, – вон монголы варят чай с молоком, маслом и солью, суутэй-цай называется.

Все участники вчерашнего проекта отогревались в небольшом кафе горячим чаем под русские песни после трехчасовой экскурсии по городу. Для знакомства

с тюменскими достопримечательностями их подняли ни свет, ни заря и погрузили в автобус.

– И кто только придумал три часа морозить людей на ледяном ветру после вечеринки по поводу окончания проекта? – проворчала Рита.

Вчера действительно сложилась душевная компания, и отмечали они, мягко говоря, сильно за полночь. Поэтому будильник в семь утра был невероятно уместен и актуален. Справедливости ради надо сказать, что больше всего в своей беспокойной разъездной работе Рита любила именно возможность видеть новые города и страны, узнавать интересные факты и записывать их в черный молескиновский блокнотик. Зачем Рита это делала, она не знала.

– Пригодится когда-нибудь, – думала она. – Может быть, на пенсии книги писать начну. А что, вон Уолтер де ла Мэр девятнадцать лет отпахал в нефтяной компании, а потом бросил это дело и начал писать книги для детей. И хорошие книги, между прочим. Чем я хуже?

Вот и сейчас она одной рукой держала кружку с дымящимся чаем, а второй пыталась записать подробности сегодняшней экскурсии, тем более что, несмотря на холодный ветер и ранний подъем, было действительно интересно. Всё мероприятие было посвящено чаю и чайной торговле в Тюмени.

Оказывается, Тюмень – один из первых российских городов, куда купцы стали возить чай из Китая. Экскурсантам показали дома купцов, огромные сахарные головы, очень заинтересовавшие Риту, и напоследок устроили дегустацию чая прямо на улице. Когда на дворе ноябрь и Сибирь, горячий чай как нельзя более кстати. Милая барышня в костюме купчихи радушно угощала конфетами и попутно рассказывала интересные истории:

– То, что вы сейчас пьете, называется Да Хун Пао Нун Сян из рода улунов.

Название, прямо скажем, не совсем привычное для русского уха. А переводится красиво – красный халат. В ответ на удивление группы: чай и халат – какая связь, экскурсовод рассказала две интересные истории.

Рите сделала большой глоток из кружки, перевернула страницу блокнота и продолжила писать:

Одна история красивая: заболел китайский император, и ни один лекарь не мог его излечить никакими средствами. Тогда позвали известного мудреца, который посоветовал императору ежедневно пить чай с одного куста. Правитель послушался совета и через некоторое время выздоровел. А куст велел накрыть своим красным шелковым халатом в знак благодарности. Отсюда и название чая.

Все-таки в голове туман после вчерашнего. Что-то такое гложет, Рита не может понять, что. Был вчера какой-то разговор с Костей, важный разговор под бокал коньяка. Но вот о чем? Мало ли было у них разговоров и откровенных, и серьезных, и не очень. Почему же именно этот ее тревожит? Рита не может вспомнить. Нет, дело вовсе не в коньяке, просто за последние четыре дня было так много информации и так мало сна, что когда проект закончился, Рита позволила себе расслабиться и пропускать информацию мимо ушей. Да-да, именно так она отдыхала – позволяла себе не воспринимать информацию, отключить голову и включить «белый шум». Всё остальное время Рита старалась максимально воспринимать, впитывать, обрабатывать и анализировать. Одним словом, ни дня без личностного роста. А от этого иногда утомляются, знаете ли.

Рита тряхнула головой, потерла виски и поискала глазами Костю. Он обнаружился в противоположном конце зала в окружении нескольких девушек. Ну, всё верно, так и должно быть. Так было всегда, стоило Костику где-нибудь появиться, вокруг него тут же собиралась стайка барышень, самозабвенно внимавших его речам. Говорить умно немного непонятными англоязычными терминами Константин умел бесподобно. Но что-то подсказывало Рите, что девушек привлекали не только разговоры. Статная, что называется нелюбимым Ритой, таким лошадиным словом «породистая» внешность и дворянское происхождение (а предками его были немного-немало сами Корвин-Круковские) заставляли не одну девушку мечтательно вздыхать об этом бастине. А это и правда была неприступная крепость. Сколько Рита помнила их дружбу, она никогда не видела рядом с Костей постоянную спутницу. Стайки увлеченных барышень – это, пожалуйста, сколько угодно. А вот серьезных отношений за ним не замечалось. Хотя, что Рита знала о его жизни? Вроде был когда-то женат. Вроде бы разведен. Но всё неточно, смутно. Рита никогда этим не интересовалась. Всё, что она любила в Косте, это его интеллект и их взаимопонимание на каком-то почти сакральном уровне, почти без слов. Они

могли говорить часами о чем угодно, о работе или просто «за жизнь». А могли комфортно молчать в присутствии друг друга, думая каждый о своем, и всем было хорошо и уютно. Для Риты каждый разговор с Костей был, если хотите, неким интеллектуальным экстазом, после такого общения мозг удовлетворенно затихал и готовил аргументы для следующего обсуждения. Остальные аспекты Костиной жизни Ритку не интересовали никогда.

Вот и вчера они долго говорили о чем-то. Но о чем? Вопрос повис в сумрачном воздухе кафе. Рита отпила уже остывающий чай, поморщилась и вернулась к своим записям:

Вторая история забавная, не истории даже, легенда: собирать чай, который рос на крутых склонах гор, было очень опасным занятием. Сборщики часто срывались вниз и разбивались. Тогда император приказал обучить сбору чая ручных обезьян, которых держали при дворе. А чтобы охотники не перепутали их с дикими обезьянами и не лишили императорский двор ценных кадров, обезьянок-сборщиков стали одевать в красные шелковые халатики.

Вот такие истории. Как говорится, выбирайте, кому что больше нравится.

«Выбирай, что тебе больше нравится» – эта фраза молнией пронеслась у Риты в голове, и она вспомнила всё. Ну, не всё, конечно, а вчерашний разговор с Костей точно. Весь до мельчайших подробностей. Озарение, завершившее мучительный процесс вспоминания, не принесло облегчения. Напротив, Риту пробила дрожь.

А случилось вчера вот что. Ритка, как вы помните, немного расслабилась и немножко пожаловалась, что для неё совсем уж нехарактерно. В деловых кругах Рита слыла железной леди с невероятной, неженской выдержкой. А тут подраскисла. Ну, и рассказала, что без пяти минут безработная и что дальше, непонятно. Вообще-то, она не ждала от Кости никаких советов, а тем более решения её проблем. Свои проблемы Рита привыкла решать сама и молча. Просто хотелось, чтобы именно в этот вечер ее кто-то послушал. Желательно тот, кто поймет. А тут на ее счастье подвернулся Костик. Уж он точно поймет, это Ритка знала наверняка. И поймет, что надо просто послушать и ничего не

советовать. Уж он-то поймет. А теперь представьте изумление Риты, когда Константин на середине ее вдохновенной речи на тему «как дальше жить» бесцеремонно перебил ее и начал говорить про себя любимого. Ритка так обалдела, что не сразу поняла, о чем он. А он говорил, что устал от своей нынешней жизни и работы, от бесконечных эмоциональных метаний (Это каких же? – запоздало удивилась Рита, но не смогла вспомнить, говорил ли Костя что-то об этом, а она, как обычно, не спрашивала), что надо что-то менять. И закончил тем, что неплохо бы все бросить к черту и отправиться странствовать. Куда? Да куда дорога выведет. На что? Ну, у него же есть сбережения, не зря же он столько лет батрачил без отпуска. Как же работа? А что работа? Работа, как известно, не волк и была бы шея. В общем, он предлагает Рите ехать с ним. И не когда-нибудь потом, а прямо завтра отсюда из Тюмени и стартовать. Домашние? Но телефон-то уже изобрели, позвоним, расскажем, объясним, поставим перед фактом. На что? Ну, у тебя же есть сбережения, не зря же ты столько лет батрачила без отпуска. Вещи? А что тебе надо? Ну, купим где-нибудь по дороге. Много ли путешественнику надо?

– Выбирай, что тебе больше нравится, кинуть в Москве или начать жить заново, ощутить вкус настоящей свободы, увидеть мир, – закончил свой монолог Костя.

«А вот теперь сиди и думай»...

Или там было «сиди и слушай»? Сейчас точно без разницы.

Глава третья

Они еще об этом не думали...

– Сэкономили, – мрачно рассуждала Рита, закидывая на плечи рюкзак, – зато времени потеряли уйму.

– А мы никуда не торопимся, – весело парировал Костя, – мы же теперь бродяги, у нас времени предостаточно.

Рита вздохнула. После десяти часов, проведенных в поезде, она чувствовала себя моряком, впервые за долгое время сошедшим на землю. Ноги подрагивали, голова слегка кружилась. Первым пунктом своего путешествия Рита с Костей единодушно выбрали Челябинск и, надо сказать, по кардинально разным причинам. Костя очень хотел посетить экспериментальный цех «Высота 239» на Челябинском трубопрокатном заводе, поскольку всегда интересовался передовыми методами производства и приземлением на российскую почву различных западных и японских технологий. Риту технологии интересовали мало, она мечтала посетить озеро Тургояк – жемчужину Южного Урала.

Сошлись на том, что Рита сопровождает Костю в крестовом походе на завод, а Костя любезно составляет ей компанию в поездке на озеро.

Начать решили с «Высоты». Необычности начались еще на улице. Забор цеха и прилегающих к нему территорий был больше похож на выставку художников-абстракционистов, так как был сплошь покрыт разноцветными геометрическими фигурами всех мыслимых и не очень цветов.

– Пит Мондриан отдыхает, – прокомментировала Рита, вызвав усмешку Кости. Он, как и всегда, правильно понял её сарказм.

Попасть на завод оказалось не так-то просто, но им, можно сказать, повезло. Пока они крутились вокруг забора, соображая, что делать дальше, к воротам подъехал большой автобус, и из него выгрузилось человек тридцать в белых касках.

– А сейчас мы посетим уникальное место. Этот цех является передовым не только на этом заводе и в городе, но во всей России, – вещала миловидная девушка с микрофоном. – В рейтинге самых красивых заводов мира, который был недавно опубликован на одном американском портале, «Высота 239» заняла девятое место.

– Ну, надо же, – изумилась Рита, – каких только рейтингов не придумают. А вот интересно, девятое место – это много или мало? Сколько их там вообще участвует, этих красивых заводов? И по каким критериям их выбирают, что у них

там считается красивым в этой продакшн-индустрии?

Костик моментально сделал охотничью стойку, ага, экскурсия. Так они примкнули к незнакомой группе. Касок у них, конечно же, не было, но это никого не смутило.

Цех оказался огромным помещением с высоченными потолками, верхним ярусом, выложенным ламинатом, по которому и повели экскурсантов, и совершенно неожиданно раскрашенным в разные цвета. Всюду декоративные деревья и цветы в больших напольных горшках, фотографии на стенах и непонятные символы. Помещение диспетчерской с пультом управления, больше похожее на капитанскую рубку межгалактического корабля из американской фантастики 60-х годов.

- Производственный Диснейленд, - подумала Рита.

Оказалось, что всё это буйство красок вовсе не для красоты. Каждый цвет несет какую-то смысловую нагрузку и что-то означает, но Рита в такие детали не вдавалась и, конечно, ничего не запомнила.

- Наши сотрудники оставляют все личные вещи и мобильные телефоны в раздевалках перед началом рабочего дня, - увлеченно рассказывал subtilный молодой человек в белом халате, как поняла Рита, какой-то здесь главный.

- Так выглядят суровые челябинские мужики с трубопрокатного завода? - Рита в недоумении разглядывала их молодого чичероне.

- Потом они принимают душ, переодеваются в форменную одежду и идут на свои рабочие места. У нас есть лучшая французская прачечная, в которой рабочие совершенно бесплатно могут стирать униформу. У нас работают итальянские повара, которые готовят для сотрудников обеда, - продолжал начальник.

Было видно, что он в восторге от своей работы и искренне верит в этот рай на земле.

– Средний возраст коллектива нашего цеха – двадцать пять лет, мы ориентированы на привлечение молодежи и уделяем огромное внимание обучению сотрудников. Молодые люди мечтают попасть именно в наш цех.

– А что будет с этими людьми лет через десять, когда они перестанут соответствовать стандарту среднего возраста двадцать пять лет? – не выдержала Рита, – вы их, таких опытных и обученных, уволите и наберете новых молодых?

Молодой человек, так влюбленный в свое дело, явно не ожидал, что кто-то может критически отнестись к его словам. Он замялся и слегка покраснел. Но уже через несколько секунд он продолжил заготовленную речь, оставив вопрос Риты без ответа, явно решив, что незачем вступать в полемику с глупой женщиной, которая ничего не понимает.

Костя, стоявший у него за спиной, усмехнулся и подмигнул Рите.

Остальной завод, особенно на фоне хваленого цеха, производил удручающее впечатление. Было что-то в корне неправильное и нелогичное в этом контрасте. Какая-то вопиющая несправедливость от того, что существует государство в государстве, что одним итальянская кухня и трубопрокатный Диснейленд, а другим заводская столовка и облезлые цеха. И, главное, такие лояльные, такие счастливые сотрудники без будущего. Что завод сделает с ними через 5-10 лет?

Уже вечером, когда Рита возмущалась по этому поводу, Костя снова усмехнулся и спокойно ответил ей:

– Ну, что ты, они еще об этом не думали!

Глава четвертая

Вера должна оставаться верой

– Это и есть твоя обещанная свобода? – злилась Рита, лежа на узкой кровати маленького гостиничного номера.

Гнев Риты вызвал, как ни странно, ее вдохновитель и ангел-хранитель Костя. После поездки на завод Рита с Костей пошли в клуб, немного развеяться и потанцевать. И вот там произошло неслыханное – во время медленного танца Костя попытался ее поцеловать. Костя – друг, гуру, ее интеллектуальный брат. И вдруг такое.

Нет, Рита не была ни фригидной, ни наивной. Отправляясь с Костей в это путешествие, она предполагала, что такое когда-нибудь может случиться и где-то в глубине души, так глубоко, что боялась сама себе признаться, мечтала об этом. Но не в первый же вечер? Рита была к этому не готова.

– Как же так, мы же новые бродяги?

Это самоопределение они придумали в поезде Тюмень-Челябинск. И Рита находилась под обаянием этого романтического образа. Она мечтала о бесконечных дорогах и приключениях, ночевках в палатках и рассветах в горах, попутных машинах и интересных знакомствах. Отношения в эту картину мира никак не укладывались.

– Не сейчас, – решила Рита и взяла отдельный номер.

На следующее утро Рита с Костей, как ни в чем не бывало, катили в небольшом «Нисане» на Тургояк. Водитель, согласившийся их туда отвезти, оказался многословным и эрудированным собеседником. За два с небольшим часа пути Рита узнала о Южном Урале больше, чем за все предыдущие годы жизни.

– Вот здесь, вот прямо где мы сейчас едем, проходит граница между Уралом и Сибирью, между Востоком и Западом. То есть мы с вами уже в Сибири, но еще на Западе. А скоро будем на Востоке.

Рита совсем запуталась. В Сибири и на Востоке.

В ее скромном понимании, Сибирь – это морозы, кедры и крепкие сибирские мужики. А Восток – это китайцы, лапша и бамбук. Ну, или верблюды, бедуины и кальяны. Кому что больше нравится. Но, ни бамбука, ни кальянов тут не было. Было хмурое холодное утро с пеленой измороси в воздухе. С утра Костя несколько раз очень убедительно выразил сомнение в целесообразности поездки на природу в такую погоду, но Рита была непреклонна.

– Я вчера твой завод терпела. А туда ни в какую погоду психически здоровому человеку ездить на экскурсии не рекомендуется во избежание вреда этому самому психическому здоровью.

– В древности у нас тут проходило северное ответвление Великого Шелкового Пути, – вклинился в Ритины размышления водитель, – бронзовую скульптуру с верблюдами на Арбате видели (Арбатом в Челябинске называют переходную улицу Кирова, ласково именуемую местными жителями Кировкой)? Так вот она как раз Шелковому Пути и посвящена. Шёлк возили, чай, пряности разные, материи, нефирит.

– А вон памятник Курчатову, земляку нашему, – продолжал «экскурсию» водитель, – недавно ученые в каком-то челябинском архиве метрику его нашли. Нет, памятник не поэтому поставили, памятник – намного раньше, в 86-м к двухсотпятидесятилетию Челябинска. А как он светится в темноте! Залюбуешься. Вы вечером назад поедете, посмотрите обязательно.

Рита достала из рюкзака свой верный «молескин» и начала торопливо записывать.

– А это Шершнёвское водохранилище на реке Миасс. Из самой Башкирии к нам река течет, весь город водой питает.

– А вон там Уральские горы начинаются. Ну, и что, что маленькие? Это они здесь такие низкие и невзрачные, а дальше они ого-го какие. Как-никак Урал от Сибири отделяют. А богатые какие: и руда тут есть, и камни самоцветные. Сказы Бажова читали? То-то же.

Нет, еще до Петра их исследовать начали, при брате его сводном Федоре Алексеевиче. Был у нас тогда рудознатец местный Дмитрий Тумашов, так он с челобитной в саму Москву ходил и получил там, между прочим, грамоту на поиск руд и камней по всему Уралу. Это потом уже, при Петре Алексеевиче, их много таких стало.

– А это Ильменский заповедник. Нет, это у вас там в Новгородской области Ильменское озеро, а у нас заповедник. Тут фестивали бардовской песни проходят. Сам Олег Митяев приезжает. Между прочим, тоже наш земляк. Да, богата земля наша талантами!

– Аркаим? Нет, его проезжать не будем. Я этот заповедник не люблю. Почему? А, сумасшедших там много. Ходят по кругу толпами, всё какую-то связь с космосом ищут, всё городище древнее затоптали, а ему, между прочим, почти пять тысяч лет.

– А это озеро Кисегач называется. Кисегач, это как в «Интернах», смотрели?

Ритка «Интернов» сроду не смотрела, и что за зверь такой Кисегач тоже не знала. Но рассказы водителя её так увлекли, что она не заметила, как они доехали до Тургояка, а ее блокнот пополнился несколькими страницами новых записей.

– Кто по профессии? Историк я. История сейчас никому не нужна, вот и таксую, надо же семью кормить. У меня дочь тоже на историка учится, но ей проще, замуж выйдет, муж зарабатывать будет. Ну, пока, понадоблюсь, звоните.

– Уф, – выдохнул Костя, когда машина отъехала, – урок истории и естествознания окончен.

– Ничего ты не понимаешь, – Рита глубоко задумалась. История никому не нужна. Но как же человек может познавать себя, если он не знает своих корней? У такого человечества не может быть будущего.

Тургояк справедливо называют жемчужиной Южного Урала в ожерелье не менее прекрасных озер. В это время года он еще не замерз, лежал перед Ритой величественно-спокойной гладью в лёгкой голубоватой дымке. Она спустилась на песчаный берег и опустила руки в воду. Холодная. Риту охватил какой-то детский безудержный восторг, она вскочила и закружилась на месте. Костя поморщился:

– Ну, и как ты собираешься добираться на этот остров?

Рита помрачнела. Озеро, да, прекрасно, но она мечтала попасть на один из островов, расположенных в водах Тургояка – остров Веры. Не просто хотела, а остро мечтала, рвалась попасть туда. Дело в том, что там обнаружили дольмены – большие каменные сооружения на тысячу лет старше Стоунхенджа. Кто и для чего их построил, ответ на этот вопрос пока лежал в области догадок и предположений. От одной мысли прикоснуться к такой таинственной древности Риту охватывала приятная дрожь. И вот они совсем рядом, столько километров позади, а способа попасть на остров нет. Рита чуть не плакала.

Они принялись бродить вдоль берега в поисках чего-нибудь, на чем можно добраться на остров. Желательно с кем-нибудь, кто знает, как туда попасть. Ни то, ни другое не находилось, а вместо этого на пути им попалось что-то вроде базы отдыха, где проходил мастер-класс по лепке пельменей. Незаметно для себя Рита с Костей тоже попали в пельменный водоворот.

– Кладем фарш, аккуратненько края защепляем, и кончики вот так вместе соединяем. Получается вот такой симпатичный пельмень «унитазиком».

– Пельмень унитазиком, вот оказывается, зачем я десять часов тряслась в поезде и два часа в машине, – вздохнула Рита. С тем, что острова Веры сегодня не будет, она уже почти смирилась.

– А у нас в Сибири не так пельмени лепят, – прогудела большая румяная участница мастер-класса.

Горячие пельмени, маринованные грузди и домашние настоечки на клюкве и хрене заметно повысили градус настроения, и мастер-класс закончился лихими танцами.

– Здорово мы наклюкались «клюковкой», – весело заметил один из танцоров, когда они все вместе, включая случайно примкнувших Костю и Риту, грузились в автобус.

– И нахренякались, – тихо добавила Рита, вспомнив ядерную настойку на хрене.

На слабые попытки Кости и Риты отказаться от неожиданного бесплатного трансфера в Челябинск им твердо ответили:

– Мы своих не бросаем.

Так рухнула последняя надежда поискать путь на остров завтра на свежую и, что греха таить, трезвую голову.

Всю обратную дорогу пели. За два с половиной часа успели исполнить все, что знали, от военно-патриотической и бардовской песни до детских песенок из мультфильмов и совсем уж откровенной попсы. Проезжая Ильменский заповедник, спели «Изгиб гитары желтой». Пели негромко и очень серьезно. Когда знакомый репертуар закончился, стали искать тексты в Интернете. В полях он ловил плохо, поэтому слова сочиняли на ходу, благо мелодий было хоть отбавляй. Закончилось тем, что они придумали свой собственный гимн на мотив "Бременских музыкантов", вот только жаль, что никто его не записал. Даже Ритин «молескин» мирно покоился в рюкзаке. А на утро его, наверное, уже никто и не вспомнил.

Когда уже вечером в гостинице Рита посетовала на то, что остров Веры так и остался мечтой, Костя задумчиво произнес:

– Знаешь, наверное, иногда вера должна оставаться только верой. Без всяких материальных подтверждений.

Взял Риту за руку и повел в номер. Один на двоих.

Глава пятая

Меня одного песня

У нганасан – малочисленной народности России, есть интересная разновидность фольклора – личные песни-балу. Обозначающий их термин с нганасанского переводится примерно как «меня одного песня». Суть заключается в том, что каждый человек придумывает себе мелодию и напевает её в течение всей жизни в неизменном виде, причём, мелодия должна быть аутентичной, использовать мелодию другого человека запрещено. Меняются только слова в зависимости от того, что волнует или радует человека в настоящий момент.

С одной стороны, казалось бы, здравствуйте избитые анекдоты про чукчей – что вижу, то и пою.

А с другой, какая неожиданно мощная психотехника. Мы изоощряемся, придумываем всякие методики, а тут люди просто живут со своей песней, пропевают все, что их волнует. Как известно, проговорить проблему – наполовину решить её. Вот и получается, что «тот, кто с песней по жизни шагает, тот никогда и нигде не пропадет».

Рита закрыла свой блокнот, в очередной раз поражаясь мудрости людей, не отягощенных «прелестями» современной цивилизации.

Еще по дороге с Тургояка в Челябинск Костя с Ритой познакомились с Сергеем – филологом, увлеченным исследователем наречий и фольклора малых народностей России. Его путь лежал в Омскую область, в крошечный поселок нганасан, куда он уговорил поехать и Риту с Костей, «для компании», как он выразился.

Нганасаны – малочисленная народность, коренной народ в Сибири. Самоназвание – няа или ня. Численность населения в России на момент всенародной переписи населения в 2010 году – 862 человека, – прочитала Рита в Википедии.

– Это их ученые по ошибке нганасанами назвали, – рассказывал Сергей, когда они выбирались по сибирскому бездорожью на трассу, ведущую в Омск, –

«нганасан» у многих народов Сибири означает «человек». А они подумали, народ так называется.

– Ошибочка вышла, – подумала Рита, – спасибо, хоть людьми назвали, – в Австралии с кенгуру вон как некрасиво вышло.

Когда первые европейцы ступили на берега Австралии, они увидели невиданного зверя с верблюжьей, как им показалось, мордой, мощными задними лапами, сумкой на животе и длинным хвостом.

– Кто это? – спросили они аборигенов.

– Кенгуру, – ответили аборигены, ни слова не понимавшие по-английски и ответившие на своем языке «не понимаю».

Так и появилось на земле животное «не понимаю», кенгуру то бишь.

– Слушай, Серега, а как это они мелодии придумывают? Ну, так, чтобы они еще и не повторялись? – недоумевала Рита, мысленно вернувшись к людям-нганасанам.

– Для меня, практически не обладающей музыкальным слухом, сам процесс придумывания мелодии выглядит запредельным.

– Ну-у, на то ты и не нганасан, – протянул Сергей.

– Вот композиторы же сочиняют музыку, получается, придумывают мелодии, – вступил в разговор Костя.

– Это что же получается, вся народность – композиторы? Все 862 человека? – недоумевала Рита.

Поскольку ответа на этот вопрос никто не знал, Рита перешла к другой интересующей её теме:

– Это ведь на психологическую технику похоже – проговаривание проблемы. Я одну такую в книжке по психологии вычитала, «И чё?» называется. Это когда человек вслух проговаривает свою проблему и сам же себе задает вопрос «И чё?». И сам на него отвечает. Потом снова – «И чё?», и так до тех пор, пока сам себе не ответит «А ничё!». Всё, проблема исчерпана.

– И чё? – Сергей пожал плечами. Он не понял, к чему клонила Рита с этими режущими слух жаргонными выражениями. Филолог был далек от психологии.

Костя понял, но не вдохновился и со вздохом тихо сказал:

– Если бы все проблемы так решались.

До самого Омска все молчали, погружившись каждый в свои мысли.

Глава шестая

Книги vs. Музыка

– Ты серьезно собираешься всё это таскать с собой? Ты забыла, мы же новые бродяги? Все нормальные люди давно скачивают электронные книги. Ты что, не можешь обойтись без бумажного антиквариата? – Костя в недоумении разводил руками.

Рита второй час металась по двухэтажному книжному магазину города Новосибирска, куда они прибыли вчера вечером девятичасовым поездом из Омска.

Магазин был прекрасен, с удобной навигацией и мягкими диванами, которые так и манили присесть с приглянувшейся книжкой. В одном отделе художественных товаров Рита провела полчаса, разглядывая холсты, пастели, кисти и баночки с краской. А теперь она накрепко окопалась в отделе публицистики и жадно

просматривала новинки.

Да, Рита не могла без книг. Безусловно, как любой современный человек она читала электронные книги, и в телефон у неё всегда было закачано порядка двадцати книг одновременно, разных жанров и под любое настроение. В плане чтения Рита была почти всеядна, лишь бы было, что почитать. Без этого у неё начиналась «книжная ломка», день, проведенный без чтения, она считала потерянным, ей казалось, что мозг начинает атрофироваться. Но Рита не могла и без настоящих книг. Бумажных, в красивых обложках, которые так приятно подержать в руках, перелистать и отметить нужное место закладкой. Сколько она себя помнила, её всегда окружали книги: дома у родителей, у бабушки с дедушкой, у всех родственников и друзей родителей были обширные библиотеки. Обязательным подарком на любой праздник с самого раннего детства была книга. Да, были куклы, платья, конструкторы, сладости, но книга всегда была ожидаемым и без преувеличения лучшим подарком. Погружаясь в книжные миры, Рита забывала обо всем на свете. Повзрослев, она начала собирать свою библиотеку, коллекционировала редкие книги, за некоторыми буквально гонялась по разным городам и очень дорожила своим собранием. Как объяснить это Косте, она не знала. Да и не была уверена, что вообще хочет что-то объяснять.

– Рита, мы опоздаем, – взмолился Костя, – до концерта всего сорок минут, а до филармонии отсюда не близко. И есть очень хочется.

Да, есть хотелось нестерпимо. А впереди еще фортепианный концерт в знаменитом концертном зале имени А.М. Каца. Музыка Рита любила, но исключительно под настроение и в наушниках, где-нибудь в дороге или когда не спится на новом месте. Помпезные концерты, большие залы с фантастической акустикой, чопорная публика и бурные овации, этого Рита не понимала и всегда сторонилась. Поэтому сегодняшнее мероприятие – целиком затея Кости. Он, в отличие от Риты, большой ценитель классической музыки.

Наконец, она остановилась на трех книгах, хотя хотела бы забрать их все. В её рюкзак легли «Откровения молодого романиста» Умберто Эко, «Маленький принц» и большой альбом, иллюстрированный яркими фотографиями, «Сто самых красивых мест мира».

– Ну, хоть «Сто мест»-то оставь, ну куда нам такая дура великоформатная? – вздыхал Костя.

Но Рита и так отказалась от многих заинтересовавших её книг, так что больше не готова была сдавать позиции ни на йоту.

– Возьму, – решила она, – и буду отмечать те места, где мы побываем. А заодно и намечать дальнейший маршрут. Это мой навигатор.

– Пусть будет хоть навигатор, хоть трактор «Беларусь», только побежали уже, – сдался Костя.

Расплатившись, они выбежали на вечернюю улицу. Шел снег. Зябко ежась от пронзительно ветра, Костя с Ритой добежали до ближайшего кафе, где наскоро перекусили и уже совсем галопом побежали на концерт.

Красиво подсвеченная филармония сквозь снежную пелену смотрелась сказочным замком, и Рита даже притормозила, залюбовавшись.

На концерте Рита отчаянно скучала, не спасали ни визуализации на большом экране на заднике сцены с картинами природы и абстрактными фракталами в зависимости от темпа музыки, ни блестящие глаза Кости, растворившегося в музыке и зачарованно следившего за руками музыканта.

Проскучав с полчаса, Рита достала блокнот и начала записывать впечатления от только вчера дочитанной в поезде книги, благо в зале было достаточно светло.

Все началось по дороге в Санкт-Петербург. Перелистывая в «Сапсане» журнал, наткнулась на анонс книжных новинок. Сразу же в глаза бросился сборник рассказов Эмира Кустурицы «Сто бед». Все мы знаем Кустурицу как талантливого режиссёра, фильмы которого полны жизни и немного наивной, но такой искренней правды. А еще мы знаем Эмира как прекрасного музыканта. Свое жизнью и деятельностью он неустанно доказывает старую как мир истину – талантливый человек талантлив во всем. Оказывается, он еще и писатель, и нет никаких сомнений в том, что его книга окажется такой же правдивой и душевной, как фильмы и музыка.

И вот заветный томик у меня в руках. Небольшая книжица, всего шесть рассказов. Оторваться невозможно до последней страницы. А почему, в чем заключается обаяние Кустурицы – объяснить очень сложно. Я долго размышляла над этим, а потом поняла – это изнанка балканской жизни, другие Балканы. Совсем не такие, какими их видим мы, туристы, приезжая в отпуск на море или путешествуя на машине с водителем, когда тебя выпускают на улицу только там, где можно, красиво, безопасно. Остальное остаётся за кадром. А за кадром сама жизнь – повседневная, порой весёлая, порой трагическая, но настоящая, без прикрас, если хотите, изнанка Балкан.

И все это на фоне невероятных боснийских пейзажей.

Рита мысленно возвращалась из горной страны со старинными традициями и обрядами, существующими до сих пор, с протяжными народными песнями, с горными ландшафтами, от которых захватывает дух, в холодную заснеженную реальность Новосибирска с классической музыкой в похожей на башню сказочной принцессы филармонии.

Могла ли она тогда хотя бы предположить, что очень скоро увидит своими глазами и боснийские пейзажи, и жизнь без прикрас, и много такого, о чём даже не помышляла?

Глава седьмая

Читали ли томичи «Каштанку»?

– В тот день мы с мужиками на лося пошли, – гудел у нее над ухом Митя. Рита застонала. И угораздило же их встретить в новосибирском кафе Костного однокурсника, а по совместительству невыносимого балагура и менеджера футбольной команды "Томь", проводившей матч в гостях у новосибирцев. И вот уже битых пять часов они ехали в автобусе со всей командой, тренерами, врачами и прочей футбольной братией из Новосибирска в Томск, и все это время,

не считая двух часов, потраченных на помощь водителю большегруза с заменой лопнувшего колеса, Митя не замолкал. Он не замолкал и при замене колеса, но говорил, в основном, с водителем и щедро раздавал указания активно помогавшим футболистам, чем дал блаженный отдых Ритиным ушам. Казалось, он говорил всегда: когда обедал, пил кофе, отвечал на сообщения и даже, наверное, когда спал. По крайней мере, Рита еще не видела его молчащим.

– Автомат какой-то, а не человек, – после первого часа знакомства подумала Рита.

Вся изысканная риторика Мити сводилась к охоте, рыбалке, бане и прочим радостям мужского досуга.

– Так вот, на лося, значит пошли. Трубим, приманиваем. Вдруг видим, медведь идет. Лось во время гона дурной, ничего вокруг себя не замечает, прёт на звук как танк, вот медведь его и подстерегает, легкая же добыча. Ну, мы как михалыча увидели, чуть ружья со страху не побросали. Так дёрнули оттуда, что ни мы, ни медведь ничего не поняли. Как на дороге оказались, не помним.

Команда направлялась на свою базу «Томь», что недалеко от города Томска, где остановились и Рита с Костей переночевать и подышать холодным хвойным воздухом.

– Смотри-ка, кедр, – Костя указал на массивное дерево с шероховатой корой, росшее в неподалеку, когда наутро они прогуливались по территории базы.

– Кедр обязательно обнять надо, – тут же встрял Митя, – он жизненную энергию дает. Костя только скептически хмыкнул. А любознательная Рита бросилась с объятиями к лесному великану, ей хотелось испытать первобытный друидический поток силы, прикоснуться к этому неиссякаемому источнику. Она обхватила толстый ствол, прижалась к нему и ... прилипла. Ствол весь был

покрыт густой янтарной смолой.

– Чучелко ты смоляное, – вспоминал Костик сказку про Братца Кролика, аккуратно отдирая Риту от кедра, – видишь, что бывает, когда слишком поспешно бросаешься в объятия?

Рита скрипнула зубами, но промолчала.

– Ой, смотрите, белки, – уже через пару минут она весело хлопала в ладоши, указывая на маленьких зверьков с огромными пушистыми хвостами. Рита никогда не была злопамятной.

– А вы их тоже видите? – на полном серьёзе поинтересовался Митя, видимо, хорошо проведший прошлую ночь.

Рита даже не улыбнулась. При первой же возможности она настояла на отъезде в город.

– Как же причудливо в этом городе переплелись история и современность, – размышляла Рита, стоя на пожарной каланче и с высоты Воскресенской горы осматривая вечерний Томск, освещенный пробивающимися через плотные снеговые тучи редкими лучами предзакатного солнца. Как подтверждение её слов рядом с ней стояла фигура пожарного Афанасия. Этот герой XIX века, благодаря своему орлиному взору с каланчи заметивший занимавшееся пламя и тем самым спасший от гибели деревянный город, был облачен в современную форму пожарного с надписью на спине «Пожарная охрана МЧС России». Безразличный к причудам экипировки Афанасий продолжал внимательно смотреть на город, в котором самым удивительным образом сочетались и даже ухитрялись гармонировать между собой современные многоэтажные здания и деревянные ажурные дома, местами наполовину ушедшие под землю, с прихотливыми резными фризами, ставнями и козырьками. Некоторые из них

казались сошедшими с иллюстраций к сказкам про Снежную королеву или Мороза Иваныча. Следы неразрывной связи прошлого с настоящим встречались на каждом шагу. Вот, к примеру, река Томь, на котором стоит город. На её берегах в двадцати километрах от Томска расположился закрытый город-спутник Северск с секретными химическими производствами. И эта же самая Томь фигурирует в красивых старинных легендах.

Одна из легенд гласит, что жила некогда в этих краях прекрасная девушка Тома, дочь местного князя. И познакомилась она однажды с охотником Ушаем, и полюбили они друг друга. Да только не понравилось это отцу Тома, хотел он дочь свою выдать за сына могучего Сибирского хана, чтобы еще больше укрепить и расширить свою власть. Несчастливая Тома с горя бросилась с обрыва, но не умерла, а превратилась в прекрасную, светлую как она сама реку Томь. Увидев, что стало с возлюбленной, Ушай тоже бросился вниз со скалы и стал рекой Ушайкой, что впадает в Томь. Так и соединились влюбленные, разрушив честолюбивые планы князя и подарив краю две новые реки.

Томск не только трепетно хранил свои предания и памятники, но, как и полагается развивающемуся городу, активно создавал новые. Рита была поражена обилием памятников самым необычным предметам, пожалуй, такого она не видела раньше ни в одном городе. И каких только памятников тут не было: и деревянному рублю в виде гигантской, выше человеческого роста, монеты, и счастью, которое символизировал сытый волк из мультфильма «Жил-был пёс», и тапочкам у входа в гостиницу, и капусте напротив местного роддома и еще много-много чему, всего и не перечислишь. Особенное впечатление произвел на Риту памятник А.П. Чехову с очень по-чеховски ироничным названием «Антон Павлович в Томске глазами пьяного мужика, лежащего в канаве и не читавшего «Каштанку». Эдакий Антон Павлович в перспективе, если смотреть на него лежа: большущие ботинки, постепенно сужающаяся фигура и маленькая голова. Зря, видимо, Чехов когда-то написал о городе «Томск – скучнейший город ... и люди здесь прескучнейшие». Не тут-то было, они взяли да и поставили вот такой памятник, то ли в отместку, то ли в доказательство своего чувства юмора. Но томичи не злопамятные, из каких бы соображений ни ставили памятник, но вскоре они его искренне полюбили и с удовольствием демонстрируют гостям города.

Все эти мысли пронеслись у Риты в голове, пока она спускалась по винтовой лестнице с пожарной каланчи на здании музея истории, которое расположилось на месте первого Томского острога, построенного еще в 1604 году. С тех пор город не раз горел, перестраивался, расширялся; менялись люди, стили, мода. И только верный Афанасий продолжал хранить город, днем и ночью неотрывно глядя на него своими зоркими деревянными глазами.

Глава восьмая

Мечтай!

«Главным стремлением людей всегда было понять друг друга, объединиться ради общего блага».

Антуан Де Сент-Экзюпери писал эти строки во время гражданской войны в Испании и незадолго до оккупации нацистами Франции.

Наивно, скажете вы. Возможно. Но в этом он не одинок. Вот ещё один пример. Братья Райт и Альберто Сантос-Дюмон всегда соперничали за право называться первыми изобретателями самолёта. Но...

Братья Райт заботливо патентовали свои изобретения и продавали американскому правительству для использования в военных целях.

А Сантос-Дюмон считал, что авиация приведёт к новой эре всеобщего процветания и должна быть для всех. Он опубликовал проектные документы самолёта «Демуазель» («Стрекоза») для всеобщего доступа. А что в итоге:

авиакатастрофа на все той же «Демуазель», болезнь, одиночество, депрессия, самоубийство.

Что руководило такими людьми как Сент-Экзюпери и Сантос-Дюмон? Что заставляло их, наплевав на все законы биологической целесообразности и естественного отбора, продолжать верить в свою мечту?

Один из героев фильма «Амели» сказал: «Мечтателям сейчас не сладко».

Мечтателям во все времена не сладко...

И все же... Не примите мои слова за иронию: мечтайте и помните, что вы не одиноки. Мечтателям всегда непросто, но они делают наш мир чуточку ярче и добрее.

Рита отложила книгу и блокнот. После «Маленького принца» её охватили мысли о самолетах и мечтателях. Снова раскрыла «молескин», перечитала написанное и всхлипнула. Уже третий день Рита не вставала с постели в маленькой гостиничке на окраине Улан-Удэ, и все три дня температура не желала снижаться. Еще в поезде Томск-Улан-Удэ она почувствовала себя неважно, а по прибытии в город совсем слегла. Рита была категорически против поезда. Ну, уж нет, трястись почти двое суток да еще с пересадкой в Юрге, на это даже новые бродяги не подписывались. Но когда стали искать билеты на самолет выяснилась, казалось бы, невероятная вещь – время в пути на самолете составит 21 час с копейками. Оказалось, прямых рейсов в природе не существует. Есть с пересадкой в Иркутске и дозаправкой в Красноярске, а на такие подвиги даже бродяг с их обилием свободного времени и полной непредсказуемостью маршрута не очень тянуло, ну, или через Москву, что совсем уж не укладывалось в сознании.

– Жизнь прекрасна и удивительна, но, в основном, все-таки удивительна, – съязвила Рита и согласилась на поезд.

В поездах, если вдуматься, всё-таки гораздо больше романтики, чем в самолетах. Смотри себе в окно на пролетающие мимо пейзажи, прихлебывая горячий чай из раритетных граненых стаканов в не менее раритетных подстаканниках (молодежь и слова-то такого не знает, подумала Рита) да отсчитывай время в пути. Можно завернуться в одеяло на верхней полке и уединиться с книгой ото всего мира, а заодно и от попутчиков. А как хорошо спится под умиротворяющий стук колес и легкое покачивание вагона. Ну, еще можно прогуляться в вагон-ресторан и поболтать с соседями по купе, если приличные попадутся. Сосед попался вполне приличный, но вдрызг простуженный. Да еще в купе от окна дуло немилосердно, по ночам укрывались всем, что только могло сгодиться для этой цели. Но все равно к концу первых суток Рита почувствовала, что безнадежно заболевает. Как Костя привез её в гостиницу, она помнила смутно.

– Привет страждущим, – Костя раскраснелся с мороза и выглядел довольным. Ему удалось приобрести приличный зеркальный фотоаппарат, о котором он мечтал с самого начала путешествия.

– Я тебе лекарства принес. Апельсинов, извини, в это время года здесь днем с огнем не найдешь.

– Я не хочу апельсинов, – прохлюпала Рита, – я хочу на море.

– Так в чем проблема? Выздоровливай и поехали.

Легко сказать – поехали. Косте повезло, у него с собой оказался загранпаспорт, то ли случайно, то ли всерьез готовился прямым из Тюмени рвануть странствовать. Рита-то всегда думала, что эта мысль пришла Косте в голову прямо там и была немедленно реализована. О том, что он мог готовиться заранее, она никогда не задумывалась.

Пришлось Рите звонить домой, просить выслать паспорт почтой, что-то объяснять. А она ох как не хотела сейчас что-то кому-то объяснять, она только начинала втягиваться в бродячую жизнь и пока самой себе-то толком ничего не

могла объяснить, не то, что близким.

Через три дня Рита окончательно поправилась, и они с Костей отправились в Иволгинский дацан, ради которого, собственно, Ритой и была инициирована поездка в Улан-Удэ. Она давно мечтала там побывать, и раз уж они забрались так далеко в Сибирь, грех было не воспользоваться случаем и не доехать до знаменитого буддистского монастыря. Ехать было всего ничего, дацан располагался на окраине города в селе Верхняя Иволга, от которого и получил свое название, и уже через 20 минут бродяги входили в ворота монастыря. Снаружи он выглядел как сказочный теремок: ярко раскрашенный с резными воротами, причудливыми крышами и рядами разноцветных флажков, тянувшихся от них. Ни дать, ни взять, пряничный домик. Войдя внутрь, Рита была ошарашена и сбита с толку громкими звуками песнопений (или как там это у буддистов называется), блеском статуй и широким коммерческим размахом: здесь бойко торговали буддистскими атрибутами и реликвиями, обрядами и благословениями. Рита всегда остро чувствовала как энергию намоленного места, так и её отсутствие. В дацане ей было неудобно и даже страшновато. Костя ничего такого не почувствовал, но было видно, что и его достопримечательность не впечатлила. Поскорее выбравшись на улицу, бродяги прогулялись по территории дацана. Деревья с повязанными на них разноцветными сильно полинявшими ленточками вызывали совершенно определенные ритуальные ассоциации, доски для простираний больше напоминали средневековые орудия пыток, чем места благоговейных поклонов. Вся территория пестрела объявлениями вроде этого:

Уважаемые верующие!

Убедительная просьба не заниматься самодеятельностью: не брызгать молоком, чаем, водкой на территории дацана. Это, во-первых, неуважение к святыне, во-вторых, влечет плохие последствия.

Рита так и не смогла узнать, какими последствиями угрожают самодеятельным паломникам: кармическими или вполне материальными?

Еще один «литературный шедевр» монахов гласил:

Уважаемые верующие!

Перед посещением святыни следует обратиться к Ламам-астрологам (кассиры консультации не дают)! Убедительная просьба не ложить (да-да, так и было написано) в тарелки для подношений крупы, конфеты, печенья (да, печенья во множественном числе), т.к. мелкие звери и птицы все раскидывают.

Администрация дацана

– Ого, у монастыря есть администрация, – подумала Рита, – может быть, и бухгалтерия тоже есть? А что, очень даже похоже, раз есть кассиры, да еще не дающие справок.

И Рита вдруг поняла, она слишком романтизировала это место в своих мечтах. В её понимании буддистский монастырь – это тишина, уединенность, созерцание и размышления, а не толпы народа, громкие звуки и торговля благостью. Грустно было расставаться с еще одной иллюзией. Вот и мечтай после этого.

«Путешествия и жизненный опыт отнимают у нас иллюзии» – вспомнила Рита знаменитые слова заядлого путешественника и знатного циника Марка Твена.

– А всё-таки хорошо жить с открытыми глазами, – Рита впервые подумала о своих разочарованиях с этой точки зрения, – мечтать и разочаровываться и снова мечтать, несмотря ни на что. Может быть, это и есть та самая свобода, ради поисков которой они с Костей отправились в свое странствие?

Вернувшись из дацана, бродяги отправились знакомиться с городом. Улан-Удэ запомнился Рите как город огромного количества домов-памятников истории федерального или регионального значения, и почти в каждом из них располагался ресторан, кафе или другая какая едальня, одна из которых даже носила гордое название «Национальная пивная». Как город ароматного дыма из печных труб и запаха старого дерева и запустения от покосившихся домиков с резными ставнями и завалинками, когда-то добротных бревенчатых изб, а теперь жалких теней самих себя. Как город больших наивных детей, матерящихся на чем свет стоит, но у которых «Клубничка» – это кондитерская, а не интим-магазин, как кто-то мог бы подумать. Как город красивых церквей, где по праздникам звонят колокола, и богобоязненные горожане с утра вереницей устремляются в храмы. Хороший такой провинциальный российский город. Но иногда Рите хотелось воскликнуть вслух, прямо на улице:

– Ребята, вы что это, серьезно?

Чего стоило объявление:

«Войлочные юрты, национальная мебель – производство и продажа».

Серьезно? В XXI веке?

Или вот еще одно объявление на огромном билборде:

«Групповая медитация под звуки поющих чаш».

Понятно, что в Бурятии христианство пытается, как умеет, уживаться с буддизмом и шаманизмом. Но «групповая медитация», на Ритин неискушенный взгляд, выглядела как-то чересчур.

Особое место в своем дневнике Рита выделила бурятскому сервису. Ищите вы, к примеру, круглосуточную доставку еды. И находите. Объявление гласит (дословно):

«Режим работы – круглосуточно с 10 утра до 3 ночи».

Еще Риту поразила бурятский язык. Своей письменности у бурятов нет, вот и записали ученые-филологи непонятные слова русскими буквами. Получилось нечто странное: идешь по улице и видишь вывеску на кафе «Улаан Туяа». Что значит, один Бог знает. Но попробуйте-ка произнести это вслух. Не правда ли, на память приходит камлающий шаман с бубном, уносящийся в миры духов: Улаан Туяа, Улаан Туяа.

Вдоволь налюбовавшись на валенки и унты любых видов и фасонов, с вышивкой и без, наевшись до отвала кедровых орехов и попробовав серу, смолу хвойных пород деревьев, которую здесь все повсеместно жуют, считая отличным антибактерицидным средством, и которая пристаёт к зубам и не отчищается потом никакими средствами, Рита заскучала. И они с Костей в ожидании паспорта решили, пользуясь случаем, съездить на Байкал, благо это не очень далеко от Улан-Удэ.

Глава девятая

Как правильно бурханить

Рита с Костей решили для поездки арендовать машину и непременно сделали бы это, если бы накануне в прокате авто не познакомились с активной молодой бизнес-леди Леной, которая ехала по своим семейным делам в Гремячинск, и предложила отвезти туда бродяг, а на обратном пути забрать их оттуда. Естественно, ребята с радостью согласились: кто лучше местного жителя познакомит с достопримечательностями края? Но Лена оказалась мистически настроенной барышней. Лихо обгоняя на своей старенькой «Ниве» дорогие «Джипы» и «Лексусы» (которые здесь, признаться, не очень часто встречались на дороге), она для начала рассказала, что верит в инопланетян и в то, что это они создали жизнь на земле. Потом остановила машину на перевале «Пыхта».

– Будем бурханить, – сказала она, доставая из сумочки моток голубой ленты и солидных размеров охотничий нож.

На робкий вопрос бродяг:

– Что будем делать? – ответила, энергично нарезая ножом ленточки на короткие полоски, что они сейчас пойдут на перевал задабривать местных духов, а именно вязать ленточки на деревья и кидать вниз монетки.

На еще более робкий вопрос, можно ли обойтись без этого, решительно заявила, что без этого никак. Иначе либо гаишник остановит, либо колесо проколется, либо бензин кончится. С духами договариваться надо. И выдала бродягам по ленточке, велев приготовить по монетке.

– Еще хорошо бы разлить вокруг барисана (священного места, где ведут переговоры с духами) водку или молоко, – сообщила Лена. – Раньше использовали только молоко как белый священный продукт, но молоко не всегда было под рукой, и постепенно заменили на водку (водка, видимо, всегда под рукой). Заодно и внутрь немного «набурханят».

К счастью, ни того, ни другого у них с собой не оказалось, обошлись ленточками и монетками. Больше всего Риту поразило то, что так делала не одна экзальтированная Лена, это бы ещё ничего, так делали все водители легковушек и больших автомобилей, груженных лесом, буряты и русские, буддисты и христиане. Люди тут суеверны. На вопрос, далеко ли еще ехать, неизменно отвечают:

– Мы тут дорогу не загадываем, всякое случиться может.

В Улан-Удэ, как впрочем и во всей Бурятии, удивительная смесь буддизма, шаманизма, язычества и христианства. Причем не просто христианства, а старообрядчества. Староверов сюда насильно сгоняли еще при Екатерине II, дабы заселить необъятные просторы стремительно растущего государства. Будучи обособленными от других культов территориально и по своим убеждениям, староверческие общины стали теми «Галапагосскими островами», где развились совершенно необычные для европейца (или, как говорят в Бурятии, «западного») обряды.

Вот, к примеру, Крещение. В европейской части России в этот день во всех храмах выстраиваются длиннющие очереди за святой водой. Что делают с ней после того, как заполучат заветную бутылочку и принесут домой, всегда оставалось загадкой. Староверы же Бурятии её используют и весьма необычно. Окунают в неё обычный школьный мелок и рисуют крестики на окнах и дверях. Ну, как тут не вспомнить русский языческий обычай в ночь на Ивана Купалу класть на подоконники и порог дома крапиву, дабы защитить жилище от нечистой силы.

Или взять те же подношения духам в виде привязывания ленточек на деревья. Экологи бьют тревогу, природа загрязняется, а ленточек настолько много, что деревья не могут нормально развиваться. И не удивительно, ведь их вяжут все: и буряты, и туристы, и, что особенно поражает, староверы.

– Мы живем на земле шаманов, – говорят они, – И должны соблюдать обычаи земли, приютившей нас.

Хотя ленточка совсем необязательный атрибут. Может быть спичка, монетка или любой другой предмет, главное, показать духам свою добрую волю в приношении даров.

Сначала диву даешься, а, поразмыслив, понимаешь: мудро живут эти люди.

И почему-то вспоминается описанный Умберто Эко бразильский ритуал, тот «где вас ни о чем не просят, не просят даже верить. Только наблюдать, уважительно, конечно, в духе той же толерантности ко всем верам, с которой они принимают вас самих вместе с неверием вашим».

Когда вернулись в машину и тронулись в путь, Лена принялась без остановки рассказывать легенды про Байкал и окрестные места. Многие из них были широко известны, в том числе и Рите, и, в общем-то, в повторениях не нуждались. А Костя фольклором вообще интересовался мало.

Но две легенды показались Рите стоящими ее «молескина», и она, удобно расположившись на заднем сидении, начала записывать.

А знаете ли вы, почему у буддистских монастырей – дацанов крыши имеют загнутые края? К бурятам этот обычай строительства пришел из Китая. Существовало поверье, что во время дождя драконы спускаются с небес и катаются со скатов крыш как с горок. Но иногда случались казусы – драконы падали на монахов. И тогда они (монахи, а не драконы) начали строить крыши с загнутыми вверх краями. Драконы, скатившись с крыши, не падали, а подскакивали вверх, на небо. На монахов, соответственно, никто не падал. И, как сказал бы профессор Преображенский «Вот и хорошо, и никаких разрух».

Рита тихо засмеялась своей мысли. Ей внезапно подумалось, что у каждой легенды есть какая-то реальная основа, какой-то факт, который впоследствии оброс вымыслами. Так вот, интересно, что или кто падал на монахов с крыши в те давние времена? Или это на них так длительные медитации влияли? Или уже в те времена много «бурханили»?

Не найдя ответа, Рита вернулась к записям. Вторая легенда была совсем другая по характеру и настроению.

По дороге на Байкал есть река Хаим. Ее название с ударением на второй слог Хаи'м означает по-бурятски «медвежий угол». А с ударением на первый слог Ха'им – еврейское имя. Так звали старика, который в незапамятные времена помогал здесь беглым каторжникам, давал кров, кормил, даже деньжат подкидывал. И вот однажды погоня вышла на дом Хаима. Он отправил своих сыновей и беглых каторжников по подземному ходу, а сам остался в доме отстреливаться. Да только погоня стрелять не стала, а просто-напросто сожгла дом отважного еврея вместе с ним самим. Так закончился тихий протест Хаима против системы, а его именем назвали реку.

– Ну, всё, дальше сами. Пока, созвонимся, – Лена махнула рукой на прощание и, лихо развернув «Ниву» на песчаном берегу, умчалась прочь.

Глава десятая

Новое экономическое чудо

Рита стояла на берегу Байкала и пыталась разобраться в своих чувствах. То ли завышенные ожидания, то ли прочитанные книги и легенды сыграли с ней злую шутку, но Байкал не произвел на нее того впечатления, которого она ожидала. Конечно, она не рассчитывала увидеть НЛО или призрачных всадников, о которых в связи со здешними местами не говорил только ленивый. Но она ждала какого-то трепета, ощущения неземной энергетики, осознания исключительности места, наконец. Большое, да. Красивое, безусловно. Большое красивое озеро. Всё. Больше Рита ничего о нём сказать не могла. Она побродила по песчаной кромке, выступавшей из-под снега, опустила руку в еще не замерзшую воду (ух, ледяная, душа в пятки уходит), попробовала поднять с берега округлый обточенный водой камешек и не смогла, он накрепко примерз к песку. Создавалось странное впечатление: вот вода волнами накатывает на берег, вот песчаный пляж с полосками гальки, а вокруг лежит снег и дует ледяной ветер, пробирающий до костей даже в теплой куртке.

Вот что по-настоящему поразило Риту на Байкале, так это отношение к нему людей. С одной стороны, в прибрежных поселках и деревнях даже газовое отопление запрещено, вредно, видите ли, для экологии. Так и живут целые деревни на печном отоплении и подчас даже без электричества. Дома там зимой заметает снегом под самые крыши, а у жителей из всей техники только лопаты. Ни выехать, ни въехать, так и зимуют как на необитаемом острове. Зато, с другой стороны, несколько лет назад на Байкале был развернут грандиозный проект «Особая экономическая зона «Байкальская гавань». Идея, как обычно, была благая – создать на знаменитом озере благоустроенный курорт с отелями, ресторанами, набережными и собственным причалом, так, чтобы не хуже импортных получился и привлекал туристов и инвесторов. Для этого огородили забором несколько километров побережья, закатали берег в бетонный плен, построили красивый маяк и ... всё. На этом энтузиазм и средства иссякли. Точнее, освоили только 16 из 40 миллиардов рублей, выделенных проекту, но остальные как-то незаметно и скромно, не привлекая к себе внимания, канули в небытие. Чиновники немного растерялись от таких финансовых

дематериализаций, но быстро нашлись и щедрой рукой передали проект в региональное управление. Местные власти так «обрадовались», что даже испугались. У них денег на первостепенные нужды нет, а тут «Байкальская гавань» как снег на голову. Вот и стал значительный кусок байкальского восточного берега унылой заброшенной стройкой, с самого начала обреченной на провал. Вот скажите, кому пришло в голову строить курорт на месте впадения реки Турки в Байкал, где её русло рассекает горные хребты, защищающие берег от ветров, и создает ветряную трубу? Где немилосердно дует даже в жаркую погоду, а в остальное время прямо-таки сбивает с ног? Или кто придумал строить гостиницу на противоположной от «Гавани» стороне дороги в непосредственной близости от линии электропередачи? Вам бы понравилось жить под постоянно гудящими проводами высокого напряжения? Да еще и не прямо напротив курорта, а в стороне, потому что прямо напротив него... Что бы вы думали? Правильно, кладбище. Ну, а где же еще прикажете строить курорт?

Рита с Костей, приехавшие на попутке посмотреть на «новое экономическое чудо», побродили по унылому бетонному царству с парой белых беседок, недостроенными дорогами, кучами мусора, гонимого порывами ледяного ветра, и, как апофеоз всего, с новеньким маяком, предназначенным, увы, не для навигации, а для развлечения и убажания капризного до зрелищ туриста. Бродяги с трудом дошли до маяка под завывания ветра (машины на территорию почему-то не пускали) и обнаружили на входе пожилую бурятку, которая сообщила, выдыхая им в лицо клубы табачного дыма, что вход в маяк запрещен, а чтобы получить разрешение, нужно куда-то обратиться, чтобы получить какую-то бумагу, точнее она не знает. Рита сразу вспомнила остроумные слова М.А. Булгакова о том, что «необходимо сейчас же, тут же, не сходя с места, составить какую-то коллективную телеграмму и немедленно послать её».

На двери маяка висело объявление «С вопросами и предложениями обращаться к старшему смотрителю». Где найти старшего смотрителя, бурятка не знала, впрочем, как и младшего или хоть какого-нибудь смотрителя, к которому можно обращаться с вопросами и предложениями. От денег за вход тоже отказалась, туманно мотивировав тем, что «распоряжения не было». От кого оно должно поступить, бродяги даже не стали выяснять – бесполезно. Вот и получается, маяк для туристов, но туристам туда нельзя.

Унылое, безрадостное место. Но в последнее время наметилась «положительная» тенденция – проектом заинтересовались китайцы. Они готовы вложить деньги, достроить объект и возить сюда своих туристов, естественно, мимо и регионального, и федерального бюджетов Российской Федерации. А вы говорите, экспансия...

– Ведь вся прелесть Байкала в его первозданной, природной красоте, – возмущалась Рита, когда они на очередной попутке ехали в Горячинск на термальные источники, – кому здесь нужны бетонные набережные, их в Крыму хватает?

В Горячинске Риту ждало разочарование. Оказалось, что целебные воды загнали в трубы и подвели их к санаторию, куда без санаторно-курортной карты и кучи справок не попадешь. Она вспомнила, что уже однажды в Тюмени не попала на термальные источники из-за того, что схватила простуду, и пока её коллеги плескались в полезных водах, откисала в гостиничном номере, закутанная в плед и с горячим чаем наперевес.

– Видимо, источники – это не мое, – решила Рита и перестала расстраиваться.

Но все-таки бродягам было суждено прикоснуться в этот день к термальным водам. Местная жительница с поэтическим бурятским именем Нарана, что значит «солнце», которую они расспрашивали про источник, показала то место, откуда собственно из-под земли и вытекает горячая остро пахнущая вода и маленькое озерцо, образованное ей. Озеро грязноватое, слегка заросшее тиной. Рита потрогала воду – горячая. Нарана пояснила – 70 градусов; пить эту воду не рекомендуется, вредно для желудка, купаться в ней более шести минут тоже не стоит. Собственно, отчасти именно поэтому воду «увели» в санаторий, чтобы страждущие лечились под наблюдением врачей и не занимались самодеятельностью. В свете всего этого Риту изумили местные жители, которые набирали воду из озерка целыми ведрами и уносили домой.

- Неужели лечиться? – спросила Рита.

- Стирать, – без обиняков ответила Нарана.

Глава одиннадцатая

Творческие люди

На ночь Рита и Костя остановились в доме гостеприимных супругов Виталия и Галины, который специализировались на том, что предоставляли своё уютное двухэтажное жилище туристам и паломникам. Пока хозяйка накрывала на стол, её муж развлекал гостей разговорами. Он оказался заядлым охотником, поэтому сразу же оседлал любимого конька:

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/ru/sergeeva_marina/novye-brodyagi

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)